

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

НЕВЕСТА ТРЕХ ЖЕНИХОВ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 86

Оформление серии *С. Груздева*

Артемьева, Галина.

А 86 Невеста трех женихов : роман / Галина Артемьева. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Будьте счастливы! Проза Галины Артемьевой).

ISBN 978-5-699-72503-8

Собираясь замуж за красавца Марио, Света не сомневалась, что ее ждет счастье. Но в одну из ночей в дверь ее постучали с просьбой о помощи: умирает человек, и помочь ему, кроме нее, Светы, некому. Девушка согласилась, приняв у себя больного парня, и выходила его, хотя уже догадывалась, что незнакомец — киллер, убийца. «Я на тебе женюсь!» — заявил пациент, не слушая никаких возражений «невесты». Теперь у Светы уже два жениха, а там, где два, вероятно появление и третьего...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-72503-8

© Лифшиц Г. М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Я видел смерть: она в молчаньи села
У мирного порога моего...

А. С. Пушкин

СДЕЛАЙ ДОБРОЕ ДЕЛО!

1. «Ему бы отлежаться...»

Она уже все раздала, что кому-то могло пригодиться из ее старой жизни, ничего не хотела брать с собой. До отъезда оставалось две недели.

Светка каждый день встречалась с подругами, ходила по любимым клубам, легко прощалась со всеми. И тут подвернулся этот Марат, Марашка, как все его называли. Она мало его знала. Просто веселый человек. Всюду свой. Всегда у него есть лишний флаер в клуб, всегда он в курсе всего.

Расцеловались, как родные.

— Когда отбываешь?

— Ровно четырнадцать дней осталось. И на пятнадцатый — ту-ту! — Светка расставила руки, изобразив самолет.

— Слушай, у меня к тебе дельце. — Марашка нежно обнял ее за плечи и отвел в сторонку. — Реально помочь надо. Тут у меня один парнишка знакомый, провинциал, после операции. Ему бы недельку-другую отлежаться спокойно, в себя прийти. А то у него такая штуковина была... Этот... Гнойный аппендицит случился, вот. Ты

же знаешь, как им, бедным, со своими паспортами: менты на улице останавливают, если нездешний, заметут как миленького. А у него до сих пор температура повышенная. Жалко человека.

— Чего ж его выписали, с повышенной? — Светке тоже резали аппендицит, и она отлично помнила, как назойливо лезли в больницу с градусником утром, днем и вечером, да еще и пугались, если температура была хотя бы 37,2.

— Хы! Выписали! Да он сам выписался. Не смеши меня. Деньги кончились — вот тебе и вся выписка. Ты что? Не в курсах? Их же в Москве только за бабло лечат. Плохо быть гостем столицы.

Светкин внутренний голос выразил некое сомнение. Ну как бы, например, ее бабушка-хирург выперла пациента из больницы на основании бедности? Совсем даже наоборот. Сколько Светка себя помнила, бабушка вечно носила из дома что-нибудь вкусненькое одиноким больным, а то, бывало, и лекарства за свои деньги покупала. Впрочем, что... «Было-было-было — и прошло, о-о-о, о-о-о!» Времена пошли совсем другие. И врачи другие. И порядки. Всякое может быть.

— А чем я-то могу помочь? Ты же сам знаешь, мои все уехали. Бабушка далеко. Если только по телефону с ней посоветоваться...

— Да нет, ему не врачи... Врачи уже свое дело сделали. Ему бы отлежаться в покое. Просто тихо отлежаться, сил набраться. Никаких хлопот. Парень тихий, скромный. Слабый очень после

хирургии. Ему даже и есть-то много нельзя: морсики там всякие... — Марат спохватился и поспешно добавил: — На это у него денежки есть, ты не думай.

— Ты его ко мне домой, что ли, уложить хочешь? — дошло наконец до Светки.

— Светк! Ты же настоящий человек! У тебя же гены добрые заложены в организме. Ну, помоги напоследок соотечественнику, и тебе воздастся сполна. Вот увидишь! Люди должны протягивать друг другу руку помощи. Кто знает, может, и тебе когда понадобится...

— Да ладно, ладно, — остановила красноречивый поток генетическая гуманистка. — Пусть. Пусть лежит, долечивается. Мне не жалко. Только я за ним ухаживать точно не смогу. У меня сейчас сплошные прощания-проводы. Еще мы с Инкой и Аськой русскую свадьбу готовим. Представь: никто знать не знает, какие были раньше эти русские свадьбы. Все по крупицам собираем. Они там думают, мы такие все исконно-посконные, натуральные, фольклорные. Я-то сдуру пообещала... Думала, просто: хороводы поводим, «Во поле березонька стояла» споем. А это на несколько дней история. Опера с продолжением. Как у Вагнера.

— Вот бы мне глянуть на оперу вашу, — позавидовал Марашка.

— Прилетай! — просто так позвала Светка, прекрасно зная, что никакого «прилета» не будет. — Но если ты мне сейчас какого-нибудь афериста подсовываешь, то квартира практиче-

ски пустая, взять совершенно нечего. Если только мебель или холодильник. Но он его не вытянет. Надорвется после своего аппендицита.

— Эх, жаль, — вздохнул Маратик, — а я его как раз на твой холодильник нацелил. Раритет как-никак. Хорошо, что предупредила. Дам ему отбой. Пусть просто так долеживает. Без переноса тяжестей.

Светка засмеялась. Легко ей было с Марашкой общаться. Все понимал человек с ходу.

— А Дорис ваша где? — вспомнил вдруг приятель главную свою любовь.

— Дорис уже мои к себе забрали. Скучаю без нее. Утром просыпаюсь и жду, что она ко мне запрыгнет. А ее нет. Как страшный сон.

— Главное — выздоровела. Вот чудо! — вздохнул Марат.

2. Чудо

У кого хоть раз в жизни была собака-друг, тот поймет. Для остальных этот источник счастья, взаимопонимания и искренней дружбы пока тайна. Такое переживается только на собственном опыте, но никак не с чужих слов.

Когда-то Светка принесла свое счастье из зоомагазина за пазухой. Крошечный черный мягчайший колобок тарачился огромными круглыми глазищами на ту, кого отныне предстояло любить и радовать всеми своими силами. А сил у такой крохи оказалось очень даже много. Пекинесы — очень яркие индивидуальности, упертые до невозможности, готовые стоять на своем, ес-

ли уж что задумали, безоглядно и бескомпромиссно... И друзья они — вернее не бывает.

У Светки тогда грусть лежала на сердце. Дорис большую часть грусти вытеснила своим неутомимым желанием играть, гоняться за людьми, грызть их тапки, получать постоянно ласку, любовь, внимание. Лаская кого-то, получаешь отличное настроение, любя, приумножаешь любовь, играя, веселишься. Все так. Но есть и еще что-то. Когда появляется у человека друг — не человек, открываются новые горизонты понимания того, что не только люди наделены душой, что можно общаться без слов, и понимать, и помогать, и — главное: не врать. Большинство слов врет. Даже не желая того. Просто потому, что их можно понять по-разному. Говоришь одно, а понимают сказанное совсем по-другому.

Без слов лучше. Любить, прощать, не стремясь понять даже. Просто любить, без всяких оговорок, что бы любимый случайно ни совершил. Любить, и все.

Люди все же так любить не умеют. Жаль. Дорис умела. Она вытесняла любую печаль настойчивым желанием обратить на себя внимание. Она требовала взаимности. И яблок. Яблоки любила она почти так же, как Светку. Стоило достать из холодильника яблоко, раздавался громкий стон снизу. Где бы ни была в этот момент вездесущая малышка, она стремглав неслась к предмету своего вождения и подпрыгивала, ударяла лапой по ноге того, в чьих руках находилось яблоко:

— Не забудь! С тебя причитается!

Однажды Светка в задумчивости грызла яблоко, идя по коридору от кухни в свою комнату, и не понимала, почему следом по нарастающей несется скорбный вой с привизгиваниями и всхлипами.

— Что, Дорюша? Что случилось?

Но вой не прекращался, пока Светка не догадалась: яблоко! Она посмела не поделиться! О ужас!

Она немедленно отдала яблоко бедняжке. Вопли мгновенно утихли. Дорис достойно удалась с добычей в зубах.

До чего глупы бывают люди! Как им все надо подсказать и напомнить — уму непостижимо!

Все у них было хорошо — лучше не придумаешь.

Но недавно Дорис забилась под диван, отказываясь есть и пить. Глаза ее заволоклись пленкой. Из-под дивана доносился хрип. Не храп, а именно хрип, который очень пугал Свету. К вечеру она вызвала скорую ветеринарную помощь.

Врач сказал, что горлышко у больной все опухло, температура зашкаливала.

— Еду давали из холодильника?

— Нет! Никогда не давала и не даем!

Похоже, врач не поверил. Прописал но-шпу, антигистаминное, чтоб отек снять. Посоветовал сдать анализы. Но так посоветовал, что Светка как бы прочитала между строк: надежды все равно нет, сдайте для успокоения совести.

Дорис между тем от лекарств если и полегчало, то на самую малую чуточку. Она смогла по-

пить водички, которую ей принесла Светка. Вот и все улучшение.

Повезли ее на анализы. От Дорис пахло совсем-совсем больным существом. Она безвольно лежала в одеялке, не в силах голову поднять, и хрипела.

Это было невыносимо страшно. И несправедливо. Что случилось, как понять-то? Огромный врач-ветеринар в районной лечебнице набросился на Светлану:

— Запустили! У нее уже почки отказывают! И печень! Не жилец! И деньги не тратьте, последние часы живет!

— Нет, — не согласилась Светка, — буду тратить. И буду все делать, чтоб она поправилась.

Решили ставить капельницу, просто чтоб подкрепить несчастную страдальцу. Дорис не сопротивлялась, не сводя со Светки глаз. Не было у нее сил даже хвостиком махнуть. Угасала. Врач срезал ножницами шерстку на лапке, чтоб было видно, куда вводить иглу, и вдруг радостно завопил:

— Вот он, гад! Насосался!

Именно в том месте, куда надо было вкалывать иглу, торчал огромный раздувшийся клещ.

— Ну, повезло! — радовался доктор. — Просто нереальное везение! Если б не нашли, не кончились бы ее страдания, вернее, кончились бы, но уже насовсем.

Подлый клещ был извлечен.

Началось ежедневное лечение. Две недели все силы уходили на Дорис. Светка возила ее три раза в день на процедуры.

— Она выздоровеет! — поверил даже врач на-

конец. — Она очень хочет выздороветь, я это с первого момента понял. Она не сдавалась, глазки не закрывала. Просила помочь.

Конечно, хотела выздороветь! Она же знала, как ее любят! Она знала, как нужна ее жизнь! И вот — старалась изо всех сил!

А что было бы, если бы Светка сдалась? Сказала бы:

— Ах, нельзя ничем помочь! Как жаль! Усыпайте.

Даже подумать страшно!

За жизнь нужно бороться до последнего. До самой-самой маленькой, никому уже не видимой надежды. Бороться, пока теплится ее огонек.

Дорис поправилась! Она начала сама ходить. Весила так мало, что вес ее не ощущался вообще. Есть стала потихоньку. Чуть-чуть. Сама выбрала то, что ей нужно. И вот — снова превратилась в веселую, нахальную, резвую игруню.

Счастье!

Лечить и помогать надо всем, кому плохо. Хотя бы потому, что видеть, как немощный обретает силы, — это несказанное удовольствие. Мало с чем сравнимое.

3. «Подыхаю!..»

Вот — Дорис выздоровела. Потому что очень хотела. И они все очень хотели, чтоб она жила. Ей надо было жить. Иначе — как?

А теперь у нее еще один больной появится... Пусть уж. Ведь и правда — помогать-то надо.

Иначе будем мы не люди, а обреченные на вымирание дикие звери, как говаривала бабушка.

В ту же ночь Марат своего несчастного провинциала и привез.

Светка глянула и ужаснулась. Даже руки похолодели, как всегда у нее бывало, если ужас надо сдержать в себе и никому не выдать, насколько тебе страшно.

Парню было фигово. Откровенно, явно и однозначно. Нечасто увидишь лицо абсолютно серого цвета. По-настоящему, не ради красного словца. Серые щеки, серые губы. Совершенно никакой. Видно было, что каждый шаг дается ему с невероятным трудом. Он весь сосредоточился на своих передвижениях. Руками страдалец изо всех сил поддерживал живот. Светка сама так ходила после операции, ей все казалось, что швы разойдутся. Инстинкт самосохранения велел беспокоиться.

Вид у парня говорил сам за себя: действительно провинциальный, одетый в своего рода униформу. Спортивный костюм «адидаас», кроссовки. Стрижка короткая, почти наголо, как у всех сейчас, нос курносый. Скуластый.

Он и говорить-то совсем не мог, даже «здоровствуй» кое-как из последних сил прошелестел.

— Я бы этих врачей убила, — возмутилась Светка. — Они его чего — сразу с операционного стола выпихнули?

— Да брось ты, не паникуй, молодой, крепкий, живучий, выкарабкается. Ему бы просто полежать — отойдет, — гнул свое Марашка.

Уложили больного на родительскую кровать, на хрустящую крахмальную простыню. Он так и лег в своем «адидасе». Кроссовки с него снял Марат.

— Знобит, — только и смог парень серыми губами выговорить.

Укрыли его несколькими одеялами. Светка принесла аспирин с анальгином: температуру сбивать.

Несчастный с готовностью проглотил таблетки. Затянул глаза полупрозрачными синеватыми веками, как больная птица. Вот так же и бедная Дорис лежала, пока они еще не знали, чем ее лечить.

Таблетки на удивление быстро подействовали. Дыхание больного выровнялось. Уснул.

Марашка внес довольно объемную спортивную сумку гостя и огромный супермаркетовский пакет с соками для лечения больного.

— Ну, все, я пошел. Он дней через десять сам уйдет, как отлежится. Парень скромный, сама видишь.хлопот никаких не доставит. Будет только спать и соки дуть, как младенец.

И ушел поспешно.

Даже имени своего гостя Светка не знала. Да и зачем ей его имя — появился на очень короткое время совсем случайный человек в ее жизни: поправится и исчезнет без следа.

Она улеглась спать в своей комнате, оставив дверь в спальню незнакомца слегка приоткрытой: мало ли что, вдруг температура опять подскочит, или попить ему среди ночи захочется.

Проснулась Светка от стонов, доносившихся

из недр ее мирного жилища. Ее постоялец что-то оживленно говорил, скрежетал зубами по-страшному и в промежутках, как бы на выдохе, стонал.

— Не того кончил, на фиг ты, не того кончил! — разобрала Светка.

Ее братцу тоже все время снились боевики, и она даже улыбнулась. Надо же! Ему за жизнь свою бороться надо, а он в бреду «не тех кончает». Мальчишки — всегда мальчишки. И еще междометию неслыханному, этому его «на фиг ты», удивилась. Никогда до того не слышала, хотя много чего знала заповедного из разных слоев лексики своего любимого родного «великого и могучего» языка.

Она вскочила и босиком, в пижаме побежала на стоны: надо было как-то помогать больному человеку. Протерла пергаментное лицо салфеткой, смоченной в уксусе, стала расстегивать молнию на груди, чтобы обтереть всего: так всегда делала ей мама при высокой температуре. Парень резко вздрогнул, очнулся, глянул мутными глазами, вцепился в молнию руками — не хотел, чтобы расстегивала.

— Да не стесняйся ты, я же живот не буду, только сверху, чтобы температуру сбить, — успокоила его, как брата бы успокаивала, девушка.

И он расслабил руки, дал сделать все, что нужно.

— Мне бы таблеток каких, лекарств, — выговорил незнакомец с ярко немосковскими интонациями.

У Светки сердце сжалось от жалости. «Моск-